

СОЛНЦЕ МАРТА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ кинодраматург А. Ф. Попов закончил работу над сценарием об одном из периодов жизни и деятельности В. И. Ленина. Это не первая работа А. Ф. Попова на историко-революционную тему. Совместно с режиссером Студии научно-популярных фильмов Н. А. Левициным он создал ряд научно-документальных фильмов о днях революции: «Ленин в Смольном», «Волчан России» и другие.

Замысел произведения «Солнце марта» родился в то время, когда А. Ф. Попов работал над киносценарием «Андрейка», рассказывающим об участии ребят в революции. В руках автора оказалось много интересного исторического материала. События, о которых повествуется новое произведение, относятся к марту 1918 года, когда Советское правительство во главе с В. И. Лениным переехало из Петрограда в Москву. Это были напряженные дни. Партия вела упорную борьбу с Троцким, Бухариным и их сторонниками, пытавшимися сорвать заключение Брестского мира. В. И. Ленин стремился добиться передышки для измученной войной страны, начать восстановление хозяйства, строительство, наладить управление. Работая над сценарием «Солнце марта» (он предназначен для студии «Ленфильм»), А. Ф. Попов встречался со многими участниками событий тех лет, нашел ряд новых исторических документов. Сегодня мы публикуем отрывок из сценария.

...СОТНИ рабочих заполнили цех Металлического завода. Идет митинг.

Выступает литейщик Яков:

— Я был на съезде и слушал Ленина. И чуял, товарищи, как кипит кровь и как разрывается его сердце. Потому что — о чем шел спор? Жить Советской власти или не жить. И Ленин сказал — жить!

Вспыхивают аплодисменты. Мы видим лица участников митинга, горячо отозвавшихся на выступление своего товарища. Мужчины, женщины, подростки, измученные голодом, лишениями, разрухой.

— И он сказал, — горячо продолжает Яков, — надо ВЗЯТЬ этот мир — пускай он расползается и похабный! Без передышки не собереть нам сил. Не создать крепкого войска. Никакого порядка не навести. А воевать еще придется: мировой капитал не простит, что мы вырвались на свободу. (Повернулся к соседу). Так он говорил?

— В точности! — подтверждает товарищ.

Яков:

— Немец бросил нас на землю. Приходится на брюхе ползти. По грязи ползти... Больно это, товарищи, и тяжело. Но мы — революционеры. Мы понимаем: другого пути у нас нет. Зато Советскую нашу власть сбережем!..

И опять собрание откликается долгими горячими рукоплесканиями.

— А эти товарищи, — продолжает Яков, — которые называют себя «левыми коммунистами»? А товарищ Бухарин? Они куда зовут? Воевать! «Лучше погибнуть в бою, чем позорный мир!» Слова то красивые! Только зачем же нам погибать, товарищи? Зачем губить революцию? Ведь об этом только враги мечтают — о нашей гибели! Вот... (Он развешивает измятую бумагу, которую все время держал зажатой в руке, показывает собранию). Сегодня ночью шли со съезда и содрали с забора...

Шум, движение, голоса: «Читай!», «Что там написано!»

Яков читает листовку вслух:

«Граждане! Русские люди!

Россия продана! Ленин заключил с немцами мир. Лучшие земли отдадут к Германии. Не верьте большевикам! Вставайте на спасение родины!»

Мертвая, напряженная тишина. Слышно только, как где-то ритмично и тяжело бухает паровой молот.

Яков скомкал листовку.

— Значит работают, гады! — восклицает он гневно. — Опять воспряли. Грязь льют на товарища Ленина. В самое сердце нам целится! Так за кем же мы пойдем, товарищи?

Тишина. И вдруг цех взрывается страстными, взволнованными возгласами:

— За Лениным пойдем!

— За Лениным!

— Ленин! Ленин! Ленин!..

И сотни людей взметывают руки над головой, горячо одобряя решение съезда...

ЛЕНИН говорит по телефону:

...Товарищ Мальков, объясните, пожалуйста, почему сегодня у

меня нет посетителей? Разве прием отменили?

В трубке слышен неуверенный ответ Малькова:

— Так ведь, Владимир Ильич, распоряжение такое... Не пускать к вам сегодня.

— Кто дал распоряжение?

— Мне Бонч-Бруевич приказал. А ему — Яков Михайлович...

— Свердлов? Гм... Так-таки и приказал?

— Посоветовал, Владимир Ильич...

— То-то же. Кто там у вас есть?

...Мальков стоит навзлещу, разговаривает по телефону с Лениным. Перед ним целая толпа посетителей.

Но ближе всего — двое, на которых и задерживается взгляд коменданта. Одному из них лет под сорок, весь облик его говорит о том, что это крестьянин, человек осторожный, умудренный жизнью. Другой совсем молод, ему не больше двадцати трех — бойкий, быстрогоглазый, коренастый. Оба с винтовками.

— Да есть тут двое, — отвечает Мальков на вопрос Ленина. — С рассвета сидят, все надеются. Из Сальских степей. Народные комиссары... Ага. У них там свой совнарком. За советом приехали... (К посетителям). У вас что там — своя республика?

— Да нет, — отвечает старший, — у нас одна станция только.

— И еще село по соседству, — добавляет молодой.

— Никак нет, Владимир Ильич, — говорит Мальков в телефон. — Совнарком есть, а республики нет... Слушаюсь. (Кладет трубку. К посетителям). Оружие сдать!

— Ну, уж нет! — возмущенно восклицает молодой. — Что мы — контры? Без оружия остаться?.. Да лучше умереть!

— Нет, так нет, — отрезает Мальков. — Разговор кончен!

Он сует в руки старшего мандаты, и народных комиссаров немедленно поглощает толпа.

А перед комендантом уже новый посетитель — солдат. Он лихо козыряет Малькову, но вид у него жалкий и пришибленный.

— Вся надежда на тебя, уважаемый! — восклицает он в отчаянии. — К расстрелу меня определили. Сделай милость, товарищ...

— Кто определил?

— Командир, кто же еще... Спаси, Христа ради!

— А чего же ты ходишь, раз тебя определили?

— Ездовой я. А у меня упряжку отняли нехристи...

— Кто отнял?

— Да ваши, морячки отняли.

— Морячки, да не наши. Анархисты взяли.

— Вот, вот, они самые!

— Командир приказал тебе искать?

Ездовой замялся:

— А ты откоп знаешь?

— Глаз у меня такой! Насквозь вижу.

— А чего видишь, а?

— Все вижу! Убежал? Зубами стучал? Куда погнала — не последил? Тревоги не поднял?.. Ну, отвечай, было так?

Солдат виновато снимает шапку, но ответить не успевает. Его отпихивает в сторону старший из народных комиссаров. Он протягивает коменданту две винтовки — на лице смущенная улыбка...

— Одумались... Возьми, товарищ. Не сердись, что пошумели...

...НАРОДНЫЕ комиссары сидят у Ленина. Они уже успели кое-что рассказать, и Владимир Ильич, обращаясь к старшему, спрашивает:

— Скажите, Иван Иванович, какой пост занимаете лично вы?

— Я по финансам. Казначей вроде...

Молодой встал и тоже представился:

— А я народный комиссар почты, телеграфа и железной дороги.

Сказал и снова сел. Ленин улыбнулся:

— И комиссара иностранных дел избрали?

Гости виновато переглянулись.

— Промахнулись, — признается Иван Иванович. — У нас иностранными делами занимается председатель совнаркома.

— Только не приходилось пока, — привстав добавляет молодой и снова садится.

— А какое жалованье получаете?

— Ни-ни! — покачал головой Иван Иванович.

Молодой вскинул:

— На солдатском пайке мы, товарищ Ленин.

— Так, так. Очень хорошо. — Ленин подумал, постучал карандашом по краю стола. — Действуете вы правильно, товарищи. Только вот совнарком — это ни к чему, форму надо изменить...

— Так ведь совнарком — это для крепости власти! — убежденно восклицает Иван Иванович. — Чтoб знали, что власть не шутейная. Ведь у нас, Владимир Ильич, богатеи — пруд пруди! Их вот как надо держать. (Он сжал кулак).

— Диктатура! — поясняет молодой.

— А как же! — продолжает Иван Иванович. — Мы игу навечно сбросили. Обратного хода не будет! Вот и принуждены...

Молодой снова привстал:

— С ружьем ходим, с ружьем спим...

— Отлично! — одобряет Ленин. — Так и продолжайте. Власть должна быть крепкой. А совнарком все-таки переименуйте! Пусть это будет поселковый революционный комитет...

Народные комиссары переглянулись. Иван Иванович почесал затылок.

— Революционный комитет, — повторил он, явно прислушиваясь к тому, как это звучит. — Революционный комитет... Ну что ж — так тоже крепко!..

Дверь открывается — в кабинет входит Бухарин.

Посетители встают. Ленин поднимается тоже.

— Познакомьтесь, Николай Иванович, — говорит он, — товарищи из Сальских степей. (Бухарин кивнул народным комиссарам). А это товарищ Бухарин.

— Наслышаны, — говорит Иван Иванович. — Восемь суток на крыше вагона тряслись, так уж про все наслышаны.

— А все же? — интересуется Бухарин.

Иван Иванович помолчал, потом поглядел Бухарину прямо в глаза:

— Мириться надо, товарищ. Мириться с немцем. Нету нашей силы бить его сейчас.

Бухарин усмехнулся:

— Это в народе так говорят?

— И наше мнение такое, — привстав замечает молодой.

Ленин стоит у стола, с интересом наблюдает за собеседниками.

— Ну, хорошо, — говорит Бухарин, заложив руки в карманы брюк и покачиваясь с носков на каблуки. — Допустим, мы заключили мир и принимаем за свои дела. Налаживаем хозяйство, транспорт и прочее. Ужасы войны мы от себя отвели... А как же наши братья — вот такие же труженики, как и вы, товарищи. — на Украине, например, в Литве, в Финляндии? Ведь они-то под немцем останутся? Ведь договор-то такой! Разве это допустить можно?..

Долгая томительная пауза. Звонит телефон, но Ленин не подходит, ждет, что ответит Иван Иванович. А тот раздумывает, поглядывает на своего молодого товарища, потом на Ленина, тербит бороду. Наконец, встает со стула.

— Так что ж труженик, — начинает Иван Иванович, — ведь он везде ученый... Ведь нашему труженику не впервой игу скидывать. Никто-то да? Дали. По-мещику дали? Дали. А немца, думаешь, стерпим? Ружья не отдадим — это вот! (Перекрестился.) В

землю зароем до поры, до времени. Хлеб на корню спалим. Огонь — он губитель, он же и помощник... Нет, товарищ, мы уже знаем, как свою власть творить. Нас теперь не погубишь!

Бухарин рассеянно слушает, рассматривает свои руки.

Иван Иванович умолок, достал из кармана кисет, спохватившись, сунул его обратно. Сел.

Снова звонит телефон. Ленин снимает трубку, слушает, начинает о чем-то тихо говорить.

— Значит, революционный комитет, — опять повторяет Иван Иванович. — Так и сделаем.

— Ревком, — говорит молодой. — А народные комиссары — члены ревкома.

Они беседуют, уже забыв о Бухарине, а тот, искоса взглянув на Ленина и немного подумав, направляется к выходу и скрывается за дверью.

Ленин заканчивает разговор по телефону, вешает трубку, и только теперь замечает исчезновение Бухарина. Недоумение, которое мгновенно отразилось на его лице, сменяется лукавой усмешкой.

— На днях в Москве открывается чрезвычайный съезд Советов, — говорит Ленин, и посетители снова встают. — Он и решит окончательно вопрос о мире...

— Надо бы, товарищ Ленин, — одобряет Иван Иванович.

— Считаю, вы тоже должны поехать на съезд. Сейчас я договорился: депутатские полномочия запросим по телеграфу. А пока отдыхайте...

— Ну нет! — задорно восклицает молодой. — Уже наотдыхались! Можете, подсобить где надо?

— Подсобить? Прекрасно! Вы — комиссар железных дорог? Вот и отправляйтесь на железную дорогу! А вы, Иван Иванович...

— Я при нем! — заявляет тот. — Неразлучно. Такой наказ!

— Отлично! До свидания, товарищи!

Ленин прощается с посетителями, провожает их до двери, возвращается к столу. По лицу видно — он остался доволен встречей.

ДВЕРЬ снова открывается, в кабинет входит Бонч-Бруевич.

— Что, пора на Совнарком? — спрашивает Ленин.

— Нет, нет, время еще есть. — Бонч-Бруевич подходит к столу. — Только что я встретил Бухарина...

— Ах, да... Мы так и не поговорили, почему-то он ушел.

— Он просил вас передать, что он и его товарищи, избранные вчера в Центральный Комитет помимо их воли...

— Работать отказываются!

— Да. Заявляют, что избранными в Цек они себя не считают.

— Вот как! — Ленин взволнованно прошелся по комнате. — Значит, не решился сказать мне это сам... в глаза. Да, понимаю, трудно. Объявляют, что идут на раскол, и тут же уклоняются от боя! Ну, что ж, Владимир Дмитриевич, пожалуй, я и не рассчитывал на них.

— Все это печально, Владимир Ильич!

— Печально и грустно, — соглашается Ленин. Он подходит к столу, берет листок рукописи, бросает его обратно. — Зато... Зато какие великодушные слова сказал этот крестьянин! Когда Бухарин намекнул на то, что мы, мол, предаем товарищей на Украине, в Литве и тому подобное, — знаете, что он сказал? «Мы уже научены, как свою власть творить! Нас теперь не погубишь!» И это я не впервые слышу! Подумайте, какая могучая и верная мысль: народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть!